

тули отворени». Этими выражениями автор «Слова» передает состояние полной боевой готовности воинов, которые в состоянии «отразить внезапное нападение половцев, как и сами быстро напасть на них».²⁵

Вторично эти же названия предметов стрелкового вооружения и в столь же близком сочетании друг с другом мы видим в «Плаче Ярославны». Обращаясь к солнцу, она припоминает тяжелое положение Игоревой рати в заключительный момент его битвы с половцами. Воины страдали от жажды и потеряли свою боеспособность: «в поле безводнѣ жаждею им лучи съпряже, тугою им тули затче».

До сих пор как будто исследователи проходят мимо несомненного параллелизма в приведенных местах «Слова». Если в качестве символа бодрости и боеспособности воинов мы находим выражение «лучи напряжени», то сведенные или искривленные от жары луки («лучи съпряже») — символ бессилия. Если «тули отворени» — символ готовности воинов принять бой, то замкнутые тугою (печалью) колчаны («тули затче») — естественный символ противоположного значения.

К словосочетанию «лучи напряжени» приводились многочисленные фразеологические соответствия из старославянских переводных текстов. Наиболее близкие из них: «Яко се грѣшници напрягоша лукъ уготоваша стрѣлы в тулъ» (Симоновская псалтырь, 1, 1952);²⁶ «роженицы (луки) их напряжени» (Исайи, V, 28).²⁷

Кроме того, Е. В. Барсов, а вслед за ним В. Н. Перетц и др. обычно приводят в качестве параллели место из древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия: «мы немощни и слаби есмы противитися римляном, яко же и лукъ напряжень».²⁸ Как Е. В. Барсов, так и В. Н. Перетц, ссылаясь на процитированные слова, исходили из текста так называемой «отдельной» редакции перевода по Волоколамскому, Барсовскому и другим спискам. В них текст явно испорчен позднейшими переписчиками. В данном случае приводимая речь представляет собой отрывок из вставки, принадлежащей древнерусскому переводчику и отсутствующей в греческом оригинале соответствующей книги «Истории». Смысл этой речи в том, что иудейские первосвященники заявляют о своей невозможности оказать сопротивление римлянам; поэтому образ напряженного лука в этом контексте не вяжется с содержанием всего высказывания. На эту смысловую несообразность не обращали обычно внимания ни исследователи, занимавшиеся древнерусским переводом «Истории», ни комментаторы «Слова о полку Игореве».

Между тем более древняя и полная редакция перевода «Истории», содержащаяся в списках Виленского и Архивского хронографов, дает в данном случае верный и единственно правильный смысл: «яко мы немощни и слаби есмы противитися римляном, яко же и лукъ съпряжен».²⁹

В этом случае символом немощи в точном соответствии со смыслом контекста выступает именно сочетание «лукъ съпряжен», и не «лукъ напряжен», как ошибочно дается этот текст в списках «отдельной» редакции. Характерно, что переписчик Виленского хронографа вставляет от себя пояснение к словам «лукъ съпряжен» и пишет на полях: «или скривлян». Таким обра-

²⁵ Лихачев, стр. 393.

²⁶ В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревіи, стр. 157.

²⁷ В. Н. Перетц. «Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг. — ИОРЯС, т. III, 1930, стр. 299.

²⁸ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. III. М., 1889, стр. 446; В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревіи, стр. 156.

²⁹ Виленский хронограф, л. 576 об.; Архивский хронограф, л. 389 об.